

Н. М. Гурина (Брест)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ О ЯЗЫКЕ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

И. ЛЕВОНТИНОЙ

Книги И. Левонтиной [1; 2] входят в круг изданий по популярной лингвистике, который составляют недавние работы М. Кронгауза «Самоучитель олбанского» (2013) [7], Г. Гусейнова «Нулевые на кончике языка» (2012) [1], Вл. Новикова «Словарь модных слов» (2012). Эти авторы, активно выступая в периодике, вырабатывают общественное мнение по вопросам речевой культуры, уравнивают алармистские взгляды некоторых публицистов (см. материалы дискуссии о современном состоянии русского языка в журнале «Знамя»). Авторы дали разностороннюю оценку коммуникативному пространству русского языка. Цель работы – выявить и классифицировать оценочные высказывания о языке / речи в научно-популярных книгах И. Левонтиной и на их основе сделать выводы о направленности лингвистического сознания образованных носителей языка. Принцип отбора языковых единиц в указанных книгах авторский, целиком субъективный – это те слова, которые не оставили лингвиста равнодушным, слова с интересной судьбой. В результате «создается языковая картина нашего пестрого и занятого бытия», если пользоваться словами Вл. Новикова. Первая книга – «Русский со словарем» - включает 11 разделов: Новый русский, Красиво жить не запретишь, Картина мира, И помнил, хоть и без греха и под. Вторая – О чем речь – 10 разделов, представленных несколькими главками: Что новенького, Слова и случаи, Обмолвись, История слов, История и слова, Грамматическое, Небесный Розенталь, О лирике и прочих пустяках, Наука и жизнь, Жизнь языка. Поскольку есть названия игровые, не всегда можно понять, какую тему они представляют. Например, название первого раздела новой книги – *Что новенького* – можно использовать как эпиграф ко всей книге, потому что далее автор и рассказывает, что новенького в нашем словоупотреблении и речевой практике. О лирике и прочих пустяках – это цитата из Л. Лосева, так как этот поэт – самый цитируемый автор у И.Б. Левонтиной. В первой книге – его классическое «Шумит словарь на перекрестке» открывает предисловие, во второй предисловие заканчивается стихотворением Л. Лосева «Грамматика есть бог ума», а глава «Достоевский надрыв» названа также цитатой из Л. Лосева.

Источники языкового материала для обеих книг изменились: это рекламные тексты, радио- и телепередачи, записи устной речи. «Меняются наши представления о жизни, наша система ценностей и многое другое. Для всего этого нужен новый язык. Однако в поисках упаковки для новых смыслов язык больше не обращается — или редко обращается — к писателям», - пишет И.Б. Левонтина.

Тематические группы лексики, вошедшие в книги, разнообразны: слова, отражающие социальную структуру общества; новые номинации лиц; лексика, отражающая ценности общества потребления; гламурная феня, как называет это автор; окказионализмы, утешительные эвфемизмы.

Вообще в лингвистике слова, описывающие товарно-денежные отношения, весьма популярны. Сегодняшние отношения автор описывает словами распила. Откат и занос с. 258. Товарный дефицит 80-х годов прошлого века описывается глаголами, у которых молодому поколению известно только прямое значение: достать. Давать. Выбросить. А контексты типа достал сапоги, дают гречку, выбросили зубную пасту требуют комментария.

Если в языке прижилось новое слово или новое значение у старого слова, значит, это зачем-то языку нужно: в нашем сознании, в культуре появился новый смысл, новое понятие, для которого недостает словесной оболочки. А если нет потребности в такой оболочке — как новое слово ни насаждай, язык его либо отторгнет, либо переосмыслит и вложит в него то содержание, которое ему нужно. Но как, какими путями приходит в язык новое слово, почему оно побеждает в конкурентной борьбе, какими новыми смыслами обрастает — это каждый раз отдельная история. Вот одна такая история. Сейчас тоже эпоха культурного слома. Меняются наши представления о жизни, наша система ценностей и многое другое. Для всего этого нужен новый язык. Однако в поисках упаковки для новых смыслов язык больше не обращается — или редко обращается — к писателям. Лингвист не как лингвист, а как участник языкового процесса, как член данной языковой общины, конечно, расценивает языковые факты наравне со всеми прочими образованными людьми, с той лишь разницей, что у него для этой расценки гораздо больше специальных знаний. Жанр определяют несколько рекламных фраз на обложке: собрание пестрых рассказиков, веселых баек о жизни русского языка. Этюды о словах, увлекательные эссе, как написал Вл.Новиков, но назвал их термином лексикографии. Хронологические рамки, например, у В.Новикова — последние 50 лет, у И.Левонтиной для первой книги- 10 лет, вторая книга вышла 6 лет спустя. Размер главок очень короткий. Потому что первоначально они писались для периодики. У авторов бала колонка в журнале, или в газете, как у И.Левонтиной в газете «Троицкий вариант».

Цель данной статьи — реконструировать черты языкового самосознания филолога-профессионала на основе выступлений в печати. Классифицировать высказывания автора можно следующим образом: все текстовые фрагменты делятся на две группы: содержащие положительную оценку состояния языка/ речи и отрицательную. Во-вторых, учитывается, на что направлена оценка: на код и его элементы или на текст. Положительные оценки как раз направлены на язык: «Я думаю. Что язык не обманешь, а правда там, где язык живой» 494. «Мне кажется, сейчас письменный русский язык переживает период невероятного бурного развития — и как раз благодаря интернету вообще и социальным сетям в

особенности». Асимметричное распределение положительных и отрицательных оценок речи наблюдается в обеих книгах: «Так. Все знают. Что звонишь – это страшная ошибка. Причем ошибка знаковая, диагностическая, сулящая репутационные потери». О слове голимый: «Сама я его не употребляю, на мой слух оно нахрапистое и вульгарное. В первой монографии автор пытается установить причины культурно-речевого кризиса, для этого он излагает взгляды на состояние языка своей эпохи. Во второй монографии автор пытается многомерно оценить современную речевую ситуацию с опорой на свой языковой опыт.

Но уже сам факт частого появления имени ученого не только в академических изданиях, но и в научно-популярных свидетельствует о сближении позиций профессионалов и читающей аудитории по вопросам культуры речи.

Также автор обратил внимание на обострение противоречий между традицией, повседневной практикой и теорией. Действительно, за последние десятилетия русский язык изменился очень сильно. Конфликт между системой и нормой особенно заметен профессионалам. Понятие нормы – одно из ключевых в культуре речи. Но норма утратила ценность для большей части населения. Известно, что норма всегда консервативна. Норма уже не отражает лингвистической действительности. «Раздражает вариативность в языке или раздражает невозможность всеобщего социального контроля?» – пытается разобраться лингвист [4, с. 167]. Можно говорить, что период ненормативного хаоса постепенно заканчивается. Хаос – обратная сторона свободы. Вторая проблема формулируется так: что важнее – язык или коммуникация? Ради простоты и естественности коммуникации можно и нужно нарушать языковую норму – такова позиция М.А. Кронгауза [3]. Рефлектирующее сознание филолога может пользоваться терминологией, а может обходиться общеупотребительной лексикой, чтобы сблизить позиции профессионала и «просвещенного обывателя». бизнес-метафоры *продукт и проект* в гуманитарной сфере), аксиологические высказывания («*К сожалению, русский язык уже никогда не будет таким, как прежде*»).

Изменилось речевое поведение: нормы этикета, понятие вежливости, способы обращения. Иногда в языке СМИ экспрессивная функция вытесняет коммуникативную, регулятивная в официально-деловом стиле – коммуникативную. Статус языка СМИ изменился, но никакого особого медийного языка нет, – считает лингвист.

В целом можно отметить, что есть четкое разделение позиций по вопросам лингвоэкологии между публицистами (они часто алармистские) и профессионалами, которые дают взвешенные оценки современному состоянию русского языка.

Наличие в оценке речи одного из рассмотренных основных критериев: нормы литературного языка, узуса, индивидуального языкового вкуса – позволяет понять «точку отсчёта» основной массы случаев оценок речи. Приблизительный характер отражения в оценках речи литературной нормы, многообразие языковых привычек той или иной среды, наконец,

относительность «индивидуальности» личных оценок (отражающих общественно-групповые вкусы или соотносимые с ними) – всё это показывает сложность выражения в оценках речи языкового опыта говорящих.

1. Гусейнов, Г. Нулевые на кончике языка: Краткий путеводитель по русскому дискурсу / Г. Гусейнов.- М.: Дело, 2010 – 240 с.

2. Кронгауз, М. Заметки рассерженного обывателя / М. Кронгауз. – Отечественные записки.- 2005.- № 2.- С.131-139.

3. Кронгауз, М. Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. – М.: Знак, 2007. – 50 с.

4. Кронгауз, М. Утомленные грамотой / М. Кронгауз.- Новый мир.- 2008.- № 5. – С. 161-168.

5. Кронгауз, М. Лексикографические мемуары: о времени, стихах и техническом прогрессе / М. Кронгауз. – Дружба народов.- 2011.- № 2. – С. 157-165.

6. Кронгауз, М. Кто отвечает за русский язык / М. Кронгауз.- Дружба народов.- 2011.- № 10.- С.161-172.

7. Кронгауз, М. Самоучитель олбанского / М. Кронгауз. – М.: Астрель, 2013. – 416 с.

8. Левонтина, И. Русский со словарем / И. Левонтина. – М.: Азбуковник, 2010. – 188 с.